
Woman in Russian Society
2019. No. 3. P. 91—101
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.7

Женщина в российском обществе
2019. № 3. С. 91—101
ББК 51.1(2Рос),592
DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.7

ПОЧЕМУ НЕ СНИЖАЕТСЯ КУРЕНИЕ У ЖЕНЩИН: РЕЗУЛЬТАТЫ МИКРОАНАЛИЗА

П. О. Кузнецова

Институт социального анализа и прогнозирования,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
г. Москва, Россия, polina.kuznetsova29@gmail.com

Усиление политики табачного контроля в 2010-х гг. практически не сказалось на женском курении. В поисках возможных причин автор предлагает рассмотреть проблему курения на микроуровне. Полученные результаты подтверждают гипотезу о менее зрелой стадии эпидемии курения среди женщин по сравнению с мужчинами: курение чаще встречается у жительниц крупнейших городов, а снижающий эффект образования, наоборот, для женщин оказался меньше. Также была выявлена существенная положительная зависимость между курением и злоупотреблением алкоголем, что, возможно, объясняется более высокой склонностью курильщиков к риску. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о большей эффективности активных ограничительных мер табачного контроля по сравнению с различными образовательными и профилактическими программами.

Ключевые слова: курение, Россия, гендер, образ жизни.

WHY THE NUMBER OF SMOKING WOMEN DOES NOT DECREASE: A VIEW FROM THE MICROANALYSIS LEVEL

P. O. Kuznetsova

Institute for Social Analysis and Forecasting,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation, polina.kuznetsova29@gmail.com

Tightening of tobacco control policies in the 2010s in Russia for the first time in the post-Soviet period led to a significant decrease in the smoking prevalence. However, this decline mainly affected men. Why are Russian women less responsive to tobacco control policies? Why rising tobacco prices and banning smoking in public places had virtually no effect on female smoking? In this study, an attempt was made to look at smoking at the microlevel,

in terms of individual and household characteristics. As an empirical base, we used data from the representative national survey — Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the National Research University Higher School of Economics for 2017. The results confirm the hypothesis of a less mature stage of the smoking epidemic among women compared with men: female smoking is still concentrated in relatively more privileged groups, namely in urban areas and particularly in the major cities. In addition, for women, the effect of reducing the risks of smoking for respondents with higher education is significantly less noticeable. A complex relationship was found between smoking, overweight and age. According to the obtained results, in younger-age group the body mass index (BMI) for female smokers is higher than for non-smokers. Only by the age of 45—50, the effects of smoking start to affect the weight, and the BMI for smokers becomes relatively lower. For men, differences in BMI at younger ages are practically absent. This suggests that smoking is more often used by women as a hypothetical means of combating obesity, and the fear of gaining weight is one of the reasons for not quitting smoking. The study also revealed a significant positive relationship between smoking and alcohol abuse, which probably suggests that smokers are less risk averse. This, in turn, may indicate a greater effectiveness of active, restrictive tobacco control measures in comparison with various educational and preventive programs.

Key words: smoking, Russia, gender, lifestyles.

Введение

Как известно, женщины курят существенно меньше мужчин. Однако заметным явлением современного этапа развития табачной эпидемии стало снижение различий в уровнях мужского и женского курения. В развитых странах сокращение гендерного разрыва в курении наблюдается уже давно, оно постепенно стало одним из факторов глобальной тенденции к снижению различий между ожидаемой продолжительностью жизни мужчин и женщин [Pampel et al., 2017].

В России соотношение мужской и женской распространенности курения на протяжении всего постсоветского периода снижалось: сначала за счет более быстрого роста курения у женщин в 1990-х — начале 2000-х гг., а затем за счет его существенного снижения у мужчин, ставшего реакцией на усиление политики государственного табачного контроля. Присоединение к Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака в 2008 г., принятие Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2010—2015 гг. в 2010 г. и вступление в силу положений Федерального закона от 23.02.2013 г. «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» в 2013—2014 гг. способствовали росту акцизов и цен на сигареты и другие табачные изделия, а также существенно усилили ограничения на их продажу и потребление. Реакция спроса на табак последовала незамедлительно: объем розничных продаж и распространенность курения стали быстро снижаться. Однако это снижение в основном затронуло мужчин, курение же у женщин оставалось неизменным, а в отдельных группах даже выросло.

В чем причина наблюдаемого гендерного дисбаланса? Почему женщины оказались менее восприимчивы к изменениям в сфере табачного контроля? Объяснения могут быть связаны как с экономическими мотивами, так и причинами психологического, медицинского и иного свойства. Часть ответов на эти вопросы

дает популярная теория табачной эпидемии, обобщающая опыт развитых стран и впоследствии адаптированная с учетом особенностей эволюции курения в развивающихся и переходных экономиках [Thun et al., 2012]. Табачная эпидемия среди женщин началась позже, часто рост женского курения по времени совпадал с продвижением идей гендерного равенства [Hitchman, Fong, 2011]. Распространенность курения у женщин, как правило, не достигала максимальных мужских значений, но дольше держалась на пике перед тем, как пойти на спад, соответствующий зрелой стадии табачной эпидемии.

Тема расширения женских прав была успешно использована табачными компаниями в рекламе своей продукции. Так, бренд «Virginia Slims» на протяжении 20 лет эксплуатировал образ современной молодой женщины, используя в рекламе феминистские лозунги (лозунги отстаивания женских прав). Рекламная кампания оказалась очень удачной: с 1968-го по 1980-е гг. доля бренда на рынке выросла с 0,24 % до 3,16 %. В начале 1990-х гг. риторика борьбы за гендерное равенство потеряла былую привлекательность для молодых женщин, а конкуренция со стороны более современных и более дешевых участников табачного рынка усилилась — доля бренда резко снизилась [Toll, Ling, 2005].

Однако примерно в это же время тема гендерного равенства в рекламе «Virginia Slims» и других западных брендов существенно способствовала их успешному продвижению на российском рынке и общему росту женского курения в России в 1990-х гг. Быстрее всего распространенность курения у женщин росла в крупных городах, население которых в большей степени подвержено влиянию западной культуры по сравнению с небольшими городами и сельской местностью, где вероятность традиционных стереотипов, скорее всего, выше [Ogloblin, Brock, 2003].

Согласно недавнему исследованию, выполненному на российских данных [Quirnbach, Getty, 2016], ход табачной эпидемии в России в целом соответствует международному опыту. Авторы отмечают также вклад образования в сокращение гендерных различий в распространенности курения.

Помочь разобраться в причинах различной динамики курения у мужчин и женщин может взгляд на проблему на микроуровне. В данной работе мы постараемся выяснить, какие факторы способствуют или, напротив, препятствуют курению на индивидуальном уровне, и оценить направление и меру соответствующих гендерных различий.

Постановка задачи и выдвижение гипотез

Факторы, оказывающие влияние на курение, неоднократно описаны в современной научной литературе. Наиболее актуальными для нашего исследования являются работы, выполненные на российском материале. Более высокие риски курения независимо от пола респондента отмечаются в случае злоупотребления алкоголем [Stickley, Carlson, 2009; Ogloblin, Brock, 2003; Kislitsyna et al., 2010]. Кроме того, для женщин вероятность курения растет в случае проживания в городской местности, и в особенности в крупнейших городах [Ogloblin, Brock, 2003, 2011; Арженовский, 2006].

Высокий уровень образования и наличие супруга, напротив, способствуют снижению риска стать курильщиком [Ogloblin, Brock, 2011]. В работе [Арженовский, 2006] было выявлено, что рост размера семьи снижает риски начала курения, в особенности для женщин, что, по мнению автора, прежде всего объясняется рождением детей. Также существуют эмпирические свидетельства того, что зависимость курения от характеристик экономического положения индивидуумов и домохозяйств выражена слабо, о чем свидетельствует низкая эластичность спроса курения по доходу [Ogloblin, Brock, 2003]. Кроме того, исследователи отмечают значимую взаимосвязь курения и индекса массы тела (ИМТ): среди курильщиков респонденты с избыточным весом при прочих равных характеристиках встречаются реже (см., напр.: [ibid.]).

Анализ подросткового курения позволяет выявить важность характеристик родительской семьи и ближайшего окружения: курение матери [Kislitsyna et al., 2010; Rogacheva et al., 2008; Lastunen et al., 2017], наличие курящего лучшего друга [Rogacheva et al., 2008; Lastunen et al., 2017] и в меньшей степени курение отца, а также братьев и сестер [Lastunen et al., 2017]. Среди факторов, способствующих курению, также были отмечены оценка своего социально-экономического положения как неблагоприятного — для девочек и проживание в неполной семье, отсутствие физической активности и низкий уровень самооценки — для мальчиков [Rogacheva et al., 2008].

При регрессионном анализе факторов курения на микроуровне используются различные методы: логит- или пробит-модели бинарного выбора [Rogacheva et al., 2008; Ogloblin, Brock, 2003], моделирование структурными уравнениями [Lastunen et al., 2017], модель продолжительности курения, рассчитанная на панельных данных и контролирующая эффект продолжительности привычки [Арженовский, 2006]. Использование более сложных методов позволяет больше узнать о направленности причинно-следственных связей, которая в парах «курение — потребление алкоголя», «курение — избыточный вес», «курение — самооценка» и других является очевидно неоднозначной. Скорее всего, как курение, так и злоупотребление алкоголем и избыточный вес — следствие образа жизни, которую ведет респондент и его социальное окружение [Ogloblin, Brock, 2003].

Проведенный обзор современных работ и первичный анализ эмпирических данных позволили сформулировать следующие гипотезы исследования:

1) существуют значительные гендерные различия в том, как индивидуальные характеристики респондентов влияют на статус курильщика, в связи с чем мужскую и женскую подвыборки следует анализировать по отдельности;

2) в соответствии с более ранними исследованиями, существует целый ряд демографических и социально-экономических факторов, значимо взаимосвязанных с курением: уровень образования, тип пункта проживания, возраст, потребление алкоголя, семейное положение, избыточный вес;

3) распространенность курения исходя из социологических данных ниже реальной для женщин и молодежи.

Данные и методы исследования

При расчетах были использованы данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья граждан (РМЭЗ) НИУ ВШЭ*. Это национальное репрезентативное обследование содержит подробную информацию о курении респондентов и традиционно используется для анализа потребления табака в России российскими и зарубежными исследователями.

В рамках нашей работы наибольший интерес представляет реакция потребителей табака на усиление политики табачного контроля, наблюдавшееся начиная с 2010 г. и в особенности после 2014 г., когда в силу вступили ключевые ограничения Федерального закона от 23.02.2013 г. «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», в связи с чем были использованы данные 26-го раунда РМЭЗ за 2017 г.

Гипотезы количественного исследования были протестированы с помощью стандартной пробит-модели бинарного выбора, примененной по отдельности к подвыборкам мужчин и женщин. Для оценки влияния характеристик респондента на вероятность стать курильщиком была использована пробит-модель бинарного выбора

$$P(y_i = 1) = \Phi(x_i'\beta),$$

где y_i — переменная «Респондент в настоящее время курит»,
 x_i — вектор индивидуальных характеристик респондента,
 Φ — функция стандартного нормального распределения.

Применение регрессионного анализа позволяет определить значимость и особенности влияния того или иного фактора при сохранении прочих характеристик, включенных в модель, неизменными.

Обоснованность отдельного рассмотрения выборок мужчин и женщин была подтверждена с помощью теста «Отношения правдоподобия». Нулевая гипотеза о совпадении коэффициентов в мужском и женском регрессионных уравнениях была отвергнута на уровне достоверности 99 %.

В качестве зависимой переменной была рассмотрена переменная «Респондент на данный момент является курильщиком». В перечень независимых переменных вошли такие характеристики, как злоупотребление алкоголем, избыточный вес (для ИМТ от 25 до 30 и для ИМТ от 30 и более), религиозная принадлежность, образование, место проживания, возраст и др. (полный перечень приводится на рис. 1).

Переменная «Респондент с опасным типом потребления алкоголя» полагалась равной 1, если 1) суммарный дневной объем потребления различных алкогольных напитков в течение последних 30 дней превышал 20 г чистого этанола для мужчин и 10 г для женщин либо 2) в течение 30 дней был хотя бы один

---

* Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 01.07.2019)).

эпизод опасного потребления алкоголя, а именно 60 г и более для мужчин и 40 г и более для женщин (граничные значения были взяты из исследования [Shield et al., 2017]). В качестве алкогольных напитков в РМЭЗ рассматривались пиво промышленного производства, пиво домашнего производства, брага, вино сухое и шампанское, вино домашнее, вино крепленое, алкогольные коктейли, самогон, водка и прочие крепкие напитки (коньяк, виски, ликер).

Для проверки гипотезы о том, что показатели распространенности курения, соответствующие социологическим данным, ниже реальных (в особенности для женщин и молодежи), была использована перекрестная переменная «Присутствие при опросе других членов домохозяйства» * «возраст 15—24 лет».

Для выявления взаимосвязи между курением и избыточным весом для разных половозрастных групп были использованы перекрестные переменные «ИМТ от 25 до 30» * «возраст 15—24 лет», «ИМТ от 25 до 30» * «возраст 25—34 лет» и «ИМТ от 25 до 30» * «возраст 35—44 лет», а также «ИМТ от 30 и более» * «возраст 15—24 лет», «ИМТ от 30 и более» * «возраст 25—34 лет» и «ИМТ от 30 и более» * «возраст 35—44 лет».

Результаты исследования

На рисунке 1 представлены результаты применения пробит-модели бинарного выбора (предельные эффекты) к данным РМЭЗ отдельно для мужчин и женщин. Значение предельного эффекта для фактора показывает, на сколько процентов изменится вероятность стать курильщиком при увеличении этого фактора на единицу. Факторы, способствующие курению, на рисунке 1 представлены столбцами, направленными вправо, а факторы, снижающие его риск, — влево. Чем выше столбец, тем существеннее оказываемый данным фактором эффект.

В ходе исследования была выявлена существенная зависимость между курением и злоупотреблением алкоголем: вероятность курения для респондентов с опасным потреблением алкоголя заметно выше, чем для остальных, — на 22,8 % для мужчин и на 17,6 % для женщин. Более высокая распространенность опасного типа потребления алкоголя среди курильщиков позволяет предположить их большую склонность к риску. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о большей эффективности активных ограничительных мер табачного контроля по сравнению с различными образовательными и профилактическими программами.

Наличие у респондента работы способствует росту вероятности курения на 8,3 % для мужчин и на 3,7 % для женщин. Одно из возможных объяснений состоит в том, что массовое курение практически гарантирует наличие компании для совместного курения по месту работы. Также чаще курят женщины, проживающие в городской местности, и в особенности в крупнейших городах (для мужчин фактор места проживания оказался незначимым).

Важными факторами снижения распространенности курения являются высшее образование и молодой возраст, причем этот эффект существенно сильнее для мужчин, чем для женщин. Так, переход от неполного среднего образования (низший уровень в рассматриваемой модели) к высшему снижает риск стать курильщиком на 24,9 % у мужчин и 10,8 % для женщин. Для респондентов в возрасте от 15 до 24 лет вероятность курения по сравнению с референтной группой (от 45 до 54 лет) на 33,2 % ниже для мужчин и на 10,9 % у женщин.

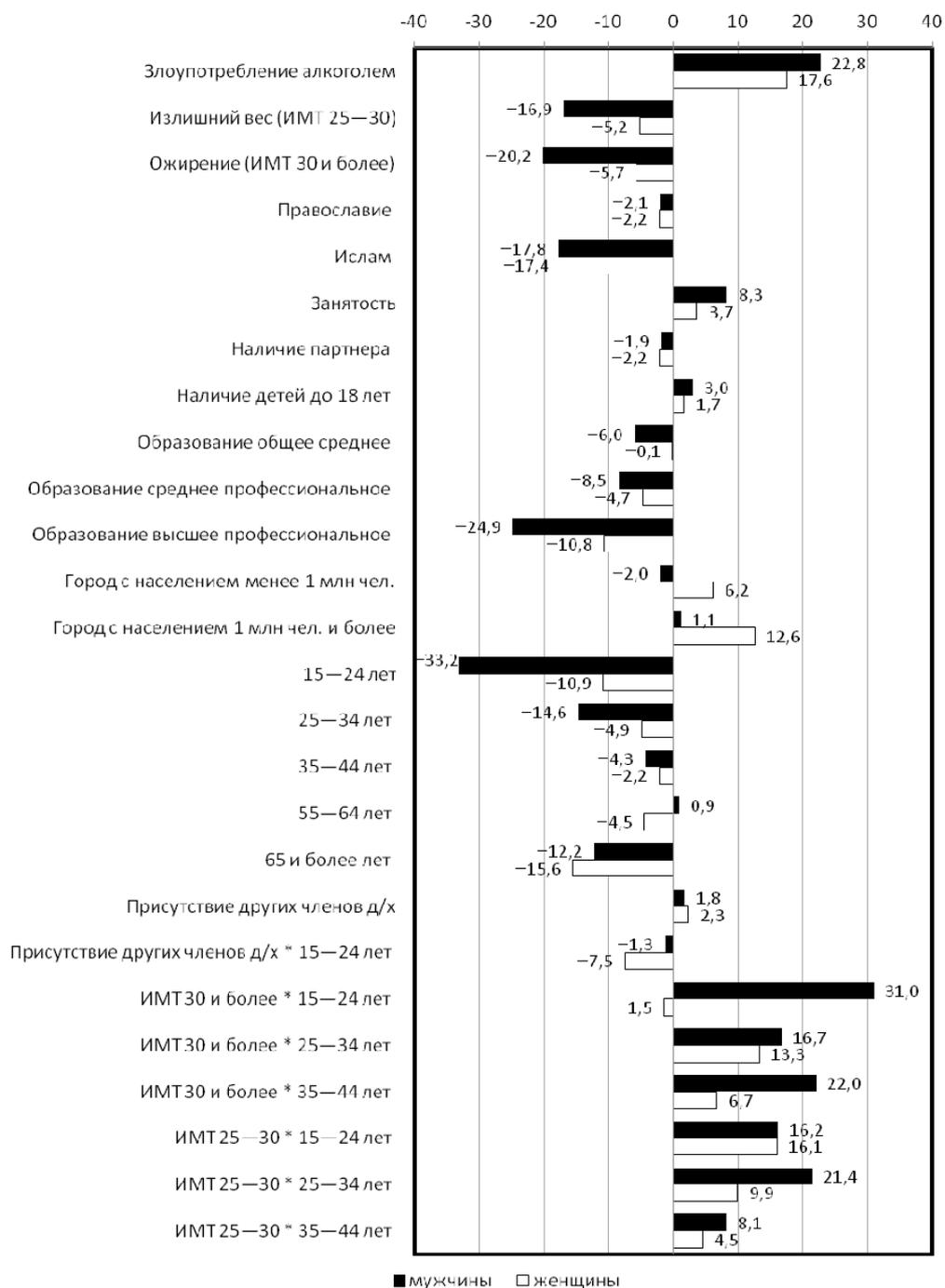

Рис. 1. Вероятность стать курильщиком в зависимости от индивидуальных характеристик респондента (предельные эффекты пробит-модели бинарного выбора), % (рассчитано автором по данным РМЭЗ)

Гипотеза о заниженных данных о распространенности курения у молодежи подтвердилась на уровне значимости 0,1, или с вероятностью 90 %, для женской выборки. Коэффициенты при переменных «Присутствие при опросе других членов домохозяйства» и «Присутствие при опросе других членов домохозяйства» * «возраст 15—24 лет» для женщин значимы и имеют разные знаки: если присутствие родных на интервью в среднем по выборке увеличивало риск курения на 2,3 % (скорее всего, из-за эффекта большего размера домохозяйства), то аналогичная ситуация для молодых респонденток, напротив, его снижала на 7,5 %.

Как результат, окончательная вероятность курения при прочих равных характеристиках оказалась на 5,2 % ниже для женщин в возрасте 15—24 лет, во время интервью с которыми присутствовали другие члены данного домохозяйства. Аналогичный коэффициент для мужчин оказался незначимым. Это позволяет подтвердить гипотезу о том, что молодые женщины иногда скрывают факт курения от интервьюеров, в результате чего сведения о распространенности курения у женщин, в особенности в младших возрастах, могут быть заниженными.

Другой важный результат был получен для переменной «Наличие у респондента избыточного веса». В более ранних исследованиях в соответствии с российскими данными (см., напр.: [Ogloblin, Brock, 2003]) отмечалось, что у некурящих излишний вес встречается чаще. Однако нам в ходе регрессионного анализа удалось выявить сложную взаимосвязь между курением и избыточным весом для женщин.

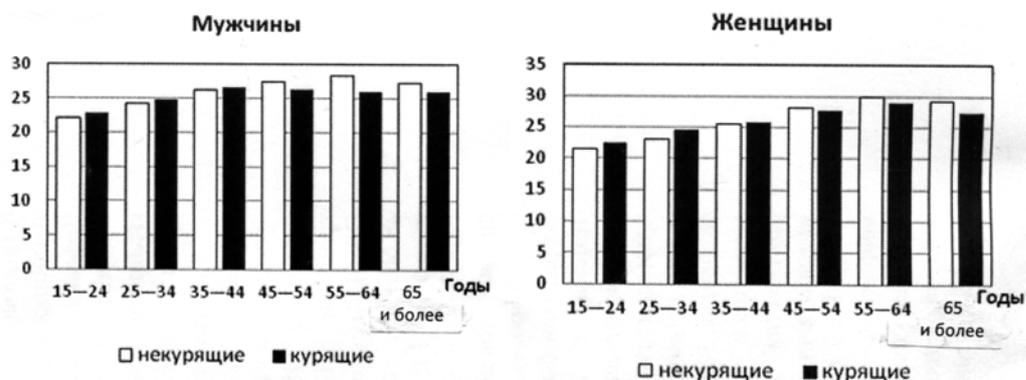

Рис. 2. Средние значения ИМТ в зависимости от возраста для курящих и некурящих (рассчитано автором по данным РМЭЗ)

Дело в том, что ИМТ для курящих женщин в более молодых возрастах выше, чем для некурящих. Лишь около 50 лет (рис. 2) последствия курения начинают ощутимо сказываться на весе и ИМТ курящих становится относительно ниже. Для мужчин подобные различия в ИМТ практически отсутствуют. Это позволяет предположить, что курение чаще используется женщинами как гипотетическое средство борьбы с излишним весом, а боязнь набрать вес является одной из причин нежелания бросить курить.

Заключение

Усиление политики табачного контроля, наблюдавшееся в России в последнее десятилетие, привело к заметному снижению распространенности курения впервые за весь постсоветский период истории страны. Однако это снижение в основном затронуло мужчин, а курение у женщин либо оставалось неизменным, либо для отдельных групп даже росло.

Почему женщины оказались менее восприимчивы к изменениям в сфере табачного контроля? Почему рост цен и введение таких ограничений на потребление и продажу сигарет, как запрет на курение в общественных местах, ужесточение требований к упаковке, запрет выкладки в магазинах и др., практически не сказались на женском курении?

Ответы на эти вопросы можно, в частности, искать на микроуровне, изучая, как характеристики отдельных индивидуумов и домохозяйств, в которых они проживают, влияют на риски курения для мужчин и женщин. Эмпирической базой данного исследования является Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ — общенациональное репрезентативное обследование, предоставляющее подробную информацию обо всех сферах жизнедеятельности населения (здоровье, образование, труд, благосостояние), включая блок вопросов, посвященных курению.

Результаты проведенного анализа на микроуровне подтверждают гипотезу о менее зрелой стадии эпидемии курения среди женщин по сравнению с мужчинами: курение по-прежнему «сконцентрировано» в относительно более привилегированных группах, а именно жительниц городов, и в особенности крупнейших городов. Кроме того, для женщин существенно менее заметен понижающий эффект образования, что свидетельствует о том, что отказ от курения для них не стал пока своего рода инновацией, которая на поздних стадиях табачной эпидемии начинает распространяться среди наиболее богатых и образованных и лишь впоследствии — на все общество.

Подтвердилась гипотеза о возможном занижении показателей распространенности курения у молодых женщин. Так, присутствие на интервью с респондентом других членов его семьи для женщин в целом при прочих равных характеристиках немного увеличивает риск курения, а для представительниц возрастной группы 15—24 лет, напротив, значимо снижает его — примерно на 5 %.

Также была выявлена сложная взаимосвязь между курением, избыточным весом и возрастом. Согласно результатам проведенных расчетов, ИМТ для курящих женщин в более молодых возрастах выше, чем для некурящих. Лишь к 45—50 годам последствия курения начинают ощутимо сказываться на весе и ИМТ курящих становится относительно ниже. У мужчин подобные различия в ИМТ практически отсутствуют. Это позволяет предположить, что курение чаще используется женщинами как гипотетическое средство борьбы с избыточным весом, а боязнь набрать вес является одной из причин нежелания бросить курить.

Мы упоминали о влиянии идей гендерного равенства на вовлечение женщин в курение табака в 1960—80-х гг. в западных странах и в 1990-х в России. Можно предположить, что новый смысл гендерного равенства, который вкладывают современные феминистки в это понятие (не столько равенство с «сильным» полом, сколько равенство ценности мужского и женского), явился

катализатором отказа женщин от курения в западных странах. В перспективе также важно будет проверить гипотезу о разнонаправленном влиянии женской эмансипации на потребление женщинами табака в зависимости от стадии гендерного перехода [Калабихина, 2009]. Копирование мужского поведения (и в области табакокурения) имеет место на стадии освоения женщинами общественных институтов (рынок труда, система образования), тогда как отказ от курения может сопровождать эмансипацию женщин в домашнем хозяйстве (завершающая стадия гендерного перехода, отмеченная ростом эгалитарности в распределении времени на заботу о детях и других членах семьи).

Библиографический список

- Арженовский С.* Социально-экономические детерминанты курения в России // Квантиль. 2006. № 1. С. 81—100.
- Калабихина И. Е.* Гендерный фактор в экономическом развитии России. М.: МАКС-Пресс, 2009. 240 с.
- Hitchman S., Fong G.* Gender empowerment and female-to-male smoking prevalence ratios // Bulletin of the World Health Organization. 2011. Vol. 89. P. 195—202.
- Kislitsyna O., Stickley A., Gilmore A., McKee M.* The social determinants of adolescent smoking in Russia in 2004 // International Journal of Public Health. 2010. Vol. 55, iss. 6. P. 619—626.
- Lastunen A., Laatikainen T., Isoaho H., Lazutkina G., Tossavainen K.* Family members' and best friend's smoking influence on adolescent smoking differs between Eastern Finland and Russian Karelia // Scandinavian Journal of Public Health. 2017. Vol. 45, iss. 8. P. 789—798.
- Ogloblin C., Brock G.* Smoking in Russia: the «Marlboro Man» rides but without «Virginia Slims» for now // Comparative Economic Studies. Palgrave Macmillan, 2003. Vol. 45, iss. 1. P. 87—103.
- Ogloblin C., Brock G.* The rise in female smoking in Russia: what to do? // Regional and Sectoral Economic Studies / Euro-American Association of Economic Development. 2011. Vol. 11, iss. 2. P. 37—46.
- Pampel F., Bricard D., Khlal M., Legleye S.* Life course changes in smoking by gender and education: a cohort comparison across France and the United States // Population Research and Policy Review. 2017. Vol. 36, iss. 3. P. 309—330.
- Quirnbach D., Gerry C.* Gender, education and Russia's tobacco epidemic: a life-course approach // Social Science and Medicine. 2016. Vol. 160. P. 54—66.
- Rogacheva A., Laatikainen T., Patja K., Paavola M., Tossavainen K., Vartiainen E.* Smoking and related factors of the social environment among adolescents in the Republic of Karelia, Russia, in 1995 and 2004 // European Journal of Public Health. 2008. Vol. 18, iss. 6. P. 630—636.
- Shield K., Gmel G., Gmel G., Mäkelä P., Probst C., Room R., Rehm J.* Lifetime risk of mortality due to different levels of alcohol consumption in seven European countries: implications for low-risk drinking guidelines // Addiction. 2017. Vol. 112, iss. 9. P. 1535—1544.
- Stickley A., Carlson P.* The social and economic determinants of smoking in Moscow, Russia // Scandinavian Journal of Public Health. 2009. Vol. 37. P. 632—639.
- Thun M., Peto R., Boreham J., Lopez A.* Stages of the cigarette epidemic on entering its second century // Tobacco Control. 2012. Vol. 21, iss. 2. P. 96—101.
- Toll B., Ling P.* The Virginia Slims identity crisis: an inside look at tobacco industry marketing to women // Tobacco control. 2005. Vol. 14, iss. 3. P. 172—180.

References

- Arzhenovskii, S. (2006) Sotsial'no-ekonomicheskie determinanty kureniiia v Rossii [Socio-economic determinants of smoking in Russia], *Kvantil'*, no. 1, pp. 81—100.
- Hitchman, S., Fong, G. (2011) Gender empowerment and female-to-male smoking prevalence ratios, *Bulletin of the World Health Organization*, vol. 89, pp. 195—202.
- Kalabikhina, I. E. (2009) *Gendernyi faktor v ekonomicheskom razvitiu Rossii* [Gender factor in the economic development of Russia], Moscow: MAKSPress.
- Kislitsyna, O., Stickley, A., Gilmore, A., McKee, M. (2010) The social determinants of adolescent smoking in Russia in 2004, *International Journal of Public Health*, vol. 55, iss. 6, pp. 619—626.
- Lastunen, A., Laatikainen, T., Isoaho, H., Lazutkina, G., Tossavainen, K. (2017) Family members' and best friend's smoking influence on adolescent smoking differs between Eastern Finland and Russian Karelia, *Scandinavian Journal of Public Health*, vol. 45, iss. 8, pp. 789—798.
- Ogloblin, C., Brock, G. (2003) Smoking in Russia: the “Marlboro Man” rides but without “Virginia Slims” for now, *Comparative Economic Studies*, vol. 45, iss. 1, Palgrave Macmillan, pp. 87—103.
- Ogloblin, C., Brock, G. (2011) The rise in female smoking in Russia: what to do?, *Regional and Sectoral Economic Studies*, vol. 11, iss. 2, pp. 37—46.
- Pampel, F., Bricard, D., Khlut, M., Legleye, S. (2017) Life course changes in smoking by gender and education: a cohort comparison across France and the United States, *Population Research and Policy Review*, vol. 36, iss. 3, pp. 309—330.
- Quirnbach, D., Gerry, C. (2016) Gender, education and Russia's tobacco epidemic: a life-course approach, *Social Science and Medicine*, vol. 160, pp. 54—66.
- Rogacheva, A., Laatikainen, T., Patja, K., Paavola, M., Tossavainen, K., Vartiainen, E. (2008) Smoking and related factors of the social environment among adolescents in the Republic of Karelia, Russia, in 1995 and 2004, *European Journal of Public Health*, vol. 18, iss. 6, pp. 630—636.
- Shield, K., Gmel, G., Gmel, G., Mäkelä, P., Probst, C., Room, R., Rehm, J. (2017) Lifetime risk of mortality due to different levels of alcohol consumption in seven European countries: implications for low-risk drinking guidelines, *Addiction*, vol. 112, iss. 9, pp. 1535—1544.
- Stickley, A., Carlson, P. (2009) The social and economic determinants of smoking in Moscow, Russia, *Scandinavian Journal of Public Health*, vol. 37, pp. 632—639.
- Thun, M., Peto, R., Boreham, J., Lopez, A. (2012) Stages of the cigarette epidemic on entering its second century, *Tobacco Control*, vol. 21, iss. 2, pp. 96—101.
- Toll, B., Ling, P. (2005) The Virginia Slims identity crisis: an inside look at tobacco industry marketing to women, *Tobacco Control*, vol. 14, iss. 3, pp. 172—180.

Статья поступила 17.06.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Кузнецова Полина Олеговна — старший научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия, polina.kuznetsova29@gmail.com (Senior Researcher, Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation).